

Семен Вольфсон

ОДИССЕЯ
ИНЖЕНЕРА
ВОЛКОВА

Библиотека классической и современной прозы

Семён Вольфсон

Одиссея инженера Волкова

«Продюсерский центр ротации и продвижения»

2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2=411.2)64-44

Вольфсон С.

Одиссея инженера Волкова / С. Вольфсон — «Продюсерский центр ротации и продвижения», 2020 — (Библиотека классической и современной прозы)

ISBN 978-5-6043130-4-6

Вы думаете, человек ничто против государственной машины?! Ан нет! Вот реальная, но кажущаяся невероятной история жизни одного инженера-изобретателя. Его судьба таинственно и парадоксально сплетается с событиями, о которых обычный человек, может быть, лишь смутно подозревает. Вы попадаете в не столь далекое от нас время – эпоху застоя, с повальным воровством и пьянством, и перестройку, когда занятие проституцией стало престижным, а желание выжить превратило толпы безработных, выброшенных на улицу, в «челноков». Вы будете не только сопереживать герою, но и вспомните собственную жизнь той поры, а те, кто не застал это время, получат о нем объективное представление. Погружение в атмосферу Москвы 90-х наполняет повесть особым колоритом. В это смутное время герой следует своим убеждениям о том, как надо жить, трудиться и богатеть. Столкнувшись с противодействием государственной машины, он в полной мере чувствует на себе мёртвую хватку силовых структур, безуспешно пытавшихся заставить его жить по их правилам. Несмотря на тяжелую болезнь и потерю зрения, он сохраняет мужество, продолжает бороться с государственной системой, но теперь, неожиданно для своих противников, на литературном поприще, доказывая, что талантливый человек талантлив во всём. В конце концов герой выходит победителем. Повесть укрепляет у читателя веру в себя и мужество идти вперед, несмотря ни на что.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2=411.2)64-44

© Вольфсон С., 2020

ISBN 978-5-6043130-4-6

© Продюсерский центр ротации и продвижения, 2020

Содержание

Пролог. Почтальоны	8
Часть I	16
Глава 1	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Семён Вольфсон

Одиссея инженера Волкова

Благодарю свою супругу за помощь в написании повести.

Автор

Библиотека классической и современной прозы

Одиссея инженера Волкова / **Вольфсон Семён** – Общенациональная ассоциация молодых музыкантов, поэтов и прозаиков, 2019.

© Семён Вольфсон, 2019

© Общенациональная ассоциация молодых музыкантов, поэтов и прозаиков. 2019

Семён Вольфсон

Вырос в семье военного инженера, участника Великой Отечественной войны.

Окончил факультет автоматики и телемеханики Московского Горного института, изобретатель СССР, имеет четыре рабочие профессии.

К 2007 году потерял зрение и начал заниматься литературным творчеством: писал рассказы и повести.

Живёт с женой в Подмосковье.

Пролог. Почтальоны

Поезд Москва – Санкт-Петербург набирал скорость. За окном мелькали городские пейзажи. Вечерело. Я любезно помог своему пожилому попутчику устроиться в купе. В ответ он полез в рюкзак и достал оттуда потёртый термос, бутерброды и стал угощать меня чаем, заваренным, по его словам, на травках. Мы разговорились. На меня чуть насмешливым, прищуренным взглядом выцветших светло-серых глаз смотрел человек с белыми, как снег, волосами ёжиком, высоким лбом, прямым коротким слегка вздёрнутым носом и волевым подбородком. Глядя на его усеянные пигментными пятнами руки, я решил, что ему лет шестьдесят пять – шестьдесят семь, и ошибся, прибавив ему десять лишних. Оказалось, он мой ровесник. Мой спутник после окончания технического вуза работал в НИИ, а когда родился сын и расходы семьи значительно увеличились, перебрался в монтажно-наладочную организацию. Исколесил всю страну, построил дом и серьёзно заболел. Из-за этого больше восьми лет был вынужден заниматься только своим здоровьем. В настоящее время сельский почтальон. Я бы и сам охотно устроился на почту, потому что со здоровьем у меня тоже не всё в порядке, а дома сидеть не привык. Звали моего попутчика Волков Мордух Мордухович.

Его рассказ меня заинтересовал. Я привожу его здесь по памяти, стараясь передать как можно точнее незатейливый, но живой слог и искренность моего визави.

...Шёл уже восьмой год, как я сидел дома. Больницы, где я лечился, мало помогли; спасибо, нашёлся врач, лечивший по принципу «не навреди». Он говорил, что время лечит и надо терпеть. И я терпел, изо всех сил стараясь встать на ноги, а характер у меня дай бог всякому мужику. Месяца три тому назад полегчало, и захотелось заняться чем-нибудь полезным. Я долго размышлял, так как о прежних специальностях и должностях не могло быть и речи. Зарплата меня не волновала. Мы с женой, проживая за городом, московскую квартиру сдаём. К тому же жена и сын работают. Так что доставка писем и газет казалась мне прогулкой на свежем воздухе, да ещё за деньги.

На том и порешил, пошёл в наше поселковое ОПС (отделение почтовой связи) и устроился почтальоном по договору, без трудовой книжки. А потому по договору, что боюсь: опять скрутит, и работать не смогу. А чтобы по трудовой, надо ехать в райцентр и там оформляться и увольняться тоже – неблизко, да и хлопотно.

В нашем ОПС одни женщины; почтальоны: три инвалида, две пенсионерки, две почти пенсионерки, одна молодая – с телеграфа, на подработке, и я. Всего, значит, девять участков обслуживаем. Да начальница, её зам и оператор Настя, которая через окошечко деньги и платёжки принимает.

Попался мне самый неудобистый участок № 9. А неудобен он тем, что на нём расположены все бывшие санатории и дома отдыха, переделанные под общежития. Письма идут туда постоянно. Тут же поссовет с нотариальной конторой и деревянные двухэтажные бараки: зайдёшь – и непонятно, кто в какой комнате проживает. Да целая улица новых коттеджей, которая вот-вот вся подпишется на газеты и журналы.

По протяжённости участок вроде такой же, как и все, а писем и газет почти в два раза больше. Понятно, почему мне, новичку, его дали. В советское время в таксопарке новичку-то не давали сразу новую машину, и в монтажно-наладочной организации не посылали в выгодную командировку. Нет, ты поработай, покажи себя, а уж потом... А мне так даже лучше: отвлекаешься, и для здоровья полезней. Но я молчу, что повезло, и сам бы его выбрал.

Целую неделю мне пришлось ходить учеником с почтальоншей: носил сумку с письмами и газетами, а она указывала, в какой ящик их опускать, мелом помечал калитки, чтоб потом не ошибиться.

У меня на участке много домов на двух, трёх, а то и четырёх хозяев. Получается, по одному адресу несколько домовладельцев живут с разными фамилиями, и у каждого свой почтовый ящик. Чтобы не выслушивать упрёки от хозяев, надо запомнить, какой кому принадлежит, я их потом тоже мелом пометил.

В воскресенье взял ходовой журнал – есть у почтальонов такие журналы-ходовики, в них весь порядок маршрута прописан, чтоб не бегать туда-сюда, – и самостоятельно пошёл по адресам, как будто почту разношу. Никого не перепутал, всех нашёл и стал работать.

Труднее всего с письмами. Получатели газет вписаны в ходовой журнал, и их легко находить, а письма чаще всего приходят по разным адресам. Тут надо хорошо знать всю, если так можно выразиться, географию участка.

Тяжелее всего попервоначально было раскладывать письма. Рабочий день у почтальонов начинается с раскладки почты по ходовику и ожидания машины из райцентра, которая часто запаздывает.

Чтобы письма разложить правильно, надо хорошо представлять себе, какие номера домов находятся на пересечении улиц, какие идут по одной стороне, а какие – по другой, кто куда переехал, и кому поручено получать корреспонденцию. Вообще много чего надо знать. А у меня от лекарств, за восемь лет выпитых, память плохая стала и внимание рассеянное. Я и сейчас не всё помню и иногда ошибаюсь.

Раскладывать письма мне почти целый месяц помогала пенсионерка Антонина, за что ей большое спасибо. У неё быстро получалось: раз-раз, две минуты – и готово. В дальнейшем и я научился.

Так первый месяц и работал. А потом привык, ноги сами стали нести по нужным адресам. Иду себе потихоньку: тело, как говорится, в работе, а душа в полёте. Песенку иногда негромко напеваю, если никто не слышит. Собственно говоря, я всю жизнь так работал, не в смысле потихоньку, а в смысле тела и души. В женском коллективе мне никогда не приходилось трудиться, всё больше с мужиками. Знаю, что новому человеку надо себя поставить. Как говорится, как запряжёшь – так и поедешь. А я расслабился.

Имя-отчество у меня Мордух Мордухович: от отца и деда досталось. Дед был Мордехай, а отец почему-то Мордух. Меня в честь отца и назвали. Отец в армии служил, воевал, а дед в Питере на заводе механиком работал. Руку перед войной потерял, да так в блокаду с голоду и умер, на инвалидной-то карточке. Ну да не о том здесь речь.

Да, значит, расслабился я. Годы у меня уже приличные, пятьдесят семь стукнуло. Начальница по имени-отчеству называет, и представлялся я всем тоже по имени и отчеству. Тут надо сказать, что в каждом коллективе, особенно небольшом, есть свой вожак, заводила, если хотите. И на зоне они есть, и в школе, и среди работяг – на язык острые, на кулаки быстрые. У нас таким авторитетом оказалась Катерина, бывшая детдомовка, только я тогда ещё этого не знал. Проработав в ОПС более тридцати лет, она хорошо знала все участки и легко подменила бы любого. А по характеру – этакая сорвиголова. С виду моложавая, не скажешь, что пятьдесят три года стукнуло.

И вот месяца через полтора, как я заступил, подходит она ко мне в операционном зале (это где почту сортируют) и спрашивает при всём народе:

– Как тебя по отчеству-то?

– Мордухович, – отвечаю.

– Мне такое слово сроду не выговорить, я буду тебя Мандуховичем называть.

Кругом засмеялись.

– Тебе, – говорю я спокойно, – это слово ближе.

Опять все засмеялись, только уже над ней. Бабы у нас бывалые, сразу раскумекали, чего к чему. А ей, видно, мало показалось. На другой день она опять:

– Эй, Мандухович, письма свои забери!

Это она мне про заказные письма. Когда приносишь их, надо, чтобы получатель в уведомлении о вручении расписался, а если его дома нет, то заполняешь специальное извещение и его бросаешь в почтовый ящик. Тогда за письмом придётся на почту идти. Её подруги засмеялись. Ну я и говорю опять спокойно так:

– Тебя, Катерина, слушаешь, и сразу видно, где у тебя наболело.

Снова загоготали, видно, в точку попал. А в третий раз, когда она со своим Мандуховичем подъехала (я в это время сидел, почту сортировал), развернулся и зло так ей:

– Если ещё раз моего отца обидишь, я тебе так врежу, что юлой закутишься и труссы свои с прокладками по дороге потеряешь.

Смотрю, товарки её все замолчали: видят, дело-то серьёзное. А я чуть не засмеялся: не кулаками же мне, поработавшему по всей стране с алкашами, алиментщиками и с зеками бывшими, в самом деле с ней разбираться. Меня и не так проверяли разные начальники, да ни с чем и отъехали.

На следующий день сижу, письма и газеты потихоньку раскладываю, увлекся – это как пасьянс. Сойдутся газеты по ходовику или пропущу кого-нибудь: хорошая тренировка на внимательность. Вдруг из-за спины – на стол бац тарелка с горячим пловом.

Смотрю, стоит Катерина.

– Угощайся, а то один чай пьёшь.

А у меня, правда, по утрам аппетита не бывает, только к вечеру да ночью, как у зверя у какого. Но я не отказываюсь, спасибо говорю.

Плов вкусный оказался. Еду она из дома приносит и у нас на плитке разогревает. Дома-то муж тяжелобольной, лежащий, вот она и не успевает поесть, сюда иногда приносит.

Так и пошла у меня работа. Почту с утра разбираю, разношу. День за днём так и катит. Скучать не приходится. Даже чувствовать себя лучше стал.

Надо сказать, что у нас, как в любом небольшом коллективе, принято всякие праздники отмечать. Помню: Антонина в свой день рождения принесла торт, открыла коробку, а он уже разрезан на кусочки по числу участников. Заварили чаю, пили, хвалили торт, желали новорожденной всяких благ. И сама она довольная была, улыбалась.

С тех пор прошло недели две, сидим, почту раскладываем; пятнадцать минут, как рабочий день начался. Вдруг дверь открывается, входит Катерина – во рту сигарета, ну прямо хулиганистый мальчишка, и, как ни в чём не бывало, нетвёрдой походкой (видно, что выпила) направляется к стеллажу с газетами и письмами. Обычно-то она рано приходит, а тут припозднилась. Не глядя ни на кого, безразлично так обронила:

– А у меня сегодня день рождения.

Все промолчали, только Галка буркнула:

– Ну, поздравляю!

И весь тут праздник. Мне от этой Катиной фразы и нетрезвости её не по себе стало. Тем более что у нас установились приятельские отношения. То она мне чаю принесёт, то я её кока-колой угощу. Мне из разговоров стало кое-что известно про её жизнь. «Ах ты, мальчонка в юбке с накрашенными губами! Ну, я тебя достану, запомнишь свой день рождения!»

Задумал я праздник ей устроить и не просто поздравить, а через нашу районную газету, которую мы по домам разносим. А то, что с опозданием, это ничего. Дни рождения раньше нельзя отмечать, примета, говорят, плохая, а позже можно. И не просто поздравить через газету, а в стихотворной форме, так, чтобы всю жизнь её описать...

Волков замолчал, долил из термоса в стакан чаю до краёв, не спеша отхлебнул, задумался и стал смотреть в потемневшее окно. Мне показалось, что Мордух Мордухович закончил свой рассказ, как вдруг, будто что-то вспомнив, он неожиданно продолжил:

– Да, а писать стихи я никогда не пробовал. Только один раз, ещё в школе, сочинил четыре строчки. Но я, если что-нибудь решил, стараюсь дело до конца довести. А когда не

получается, так у меня и аппетит напрочь пропадает, и сон тоже: нервная-то система расшатана, трепали её все кто ни попади...

...И так я завёлся от этой идеи, что на первом же маршруте начал сочинять. Оказалось, стихи сложить не так-то просто: уж очень многое мне хотелось описать, до всего коснуться. И про молодость её, про счастье, и про то, как тридцать лет в любую погоду ходит по сельским улицам, и про быт тоже. Ну и, конечно, как водится, в день рождения счастья пожелать.

Не буду рассказывать, как я сочинял, а скажу только, что ушло на это четыре дня. Четыре маршрута я оттопал, пока что-то сложилось. Ноги сами по нужным адресам идут, а в голове строчки разные складываются. Иногда, правда, адресатов пропускаю, но возвращаюсь назад и опять иду и сочиняю.

Наконец придумал, но это ещё полдела. Теперь напечатать надо; узнал, что такие поздравления публикуются в рекламном отделе нашей районной газеты, пятьсот рублей за рамку, и поехал.

Приехал, занял очередь перед окошечком. Стою, жду. Передо мной трое: мужчина, полный, волосы на голове прилизанные, – заведующий пунктом обмена валюты в ювелирном магазине; бритоголовый парень с бычьим затылком, а с ним девица, брюнетка раскрашенная. Они между собой что-то шумно обсуждали, матерщина через слово, к месту и не к месту сказанная, резала ухо.

Наконец дождался своей очереди. Блондинка лет двадцати пяти спросила, чего мне надо. Я, как мог, объяснил ей, что вот, дескать, хотим поздравить своего коллегу-почтальона. Она мне:

– Что же, это можно, поздравление в рамочке с цветочками стоит пятьсот рублей.

Тогда я протянул деньги и стихотворение. Она взяла листок, бегло прочитала и говорит равнодушно так:

– Стихотворение очень длинное, в рамку не войдёт, сократите.

Я отвечаю:

– Чего тут сокращать?! Вы прочитайте, здесь вся жизнь описана, не могу же я из чужой жизни кусок выбросить!

Она снова бегло просмотрела и бесстрастным тоном своё:

– Ничего не знаю, надо сокращать. У нас рамка стоит пятьсот рублей. А ваш текст не влезает. В рамку влезает только два четверостишия. Наш отдел коммерческий. К нам хоть сам Пушкин с Лермонтовым приди, мы и то больше, чем положено, не можем разместить.

Я уже понял, что проиграл и пятьюстами рублями не обойтись, а когда она про Пушкина с Лермонтовым сказала, то и подавно. Только чувствую, во мне какая-то злая весёлость появилась. Я и говорю:

– Что же в вашей рамке напечатать можно? Поздравление заведующему обменником, который тут передо мной стоял? Хотите?

– А чего – попробуйте!

Тогда я сходу, и слова откуда-то сами взялись:

– Поздравление заведующему пунктом обмена валюты:

Я желаю тебе, Федь,
Как купюра, зеленеть!

Девица весело фыркнула:

– Надо же, ведь его правда Фёдором Михайловичем зовут. Вы, наверное, его знаете?

Но я не знал, что этот Михайлович ещё и Фёдор. Просто мне везло.

– А хотите, – продолжил я, – бритоголового с его подружкой поздравлю?

– Валяйте, – отвечает.

А сам вижу: её уже любопытство разбирает, интересно стало. Тогда я чётким голосом продекламировал:

– Поздравление рэкету:

Я желаю тебе, Вов,
Чтоб ты был как бык здоров!

Сделал небольшую паузу и продолжил:

– Поздравление женщине свободной профессии:

Я желаю тебе, Надь,
Никогда не залетать!

Девушка засмеялась. Видимо, последнее «не залетать» ей было хорошо знакомо и больше всего понравилось.

– А их правда Надя и Вова зовут? – спросила она.

– Конечно, – отвечаю, состроив серьёзную физиономию, – Надя и Вова. Мне ли не знать своих соседей по лестничной площадке, тихие, вежливые ребята, всю жизнь о таких мечтал!

Девушка, кажется, что-то заподозрила, так как опять засмеялась. Потом другим тоном, входя в моё положение, сказала:

– Ладно, мы обычно так не делаем, но постараемся втиснуть ваши стихи в двойную рамку. Стоит тысячу рублей.

Я быстро прикинул. Стихотворение, на мой взгляд, в двойную рамку не влезало, значит, пятьсот рублей я отторговал. А как они это будут делать, не мне решать.

– А вы какие цветочки в рамочке хотите?

– Мне всё равно, на ваш вкус, я лично живые предпочитаю.

Заплатил я денежки, пожелал девушке хорошего жениха. И опять угадал: девушка оказалась хоть и симпатичная, но незамужняя. На обратной дороге зашёл кружку пива выпить, обмыть, значит, мероприятие. Вернулся и стал дальше работать. Жду, когда газета выйдет. И однажды утром, за час до начала рабочего дня, пошёл я на станцию. В киоске «Союзпечать» купил несколько экземпляров газеты и открытку. Газету развернул, вижу своё стихотворение в двойной рамке с цветочками по бокам, однако нескольких четверостиший не хватает: вырезал редактор. Ну что ж, коммерция есть коммерция...

Тут Волков опять прервался, задумался на минуту, как будто что-то решая. Потом полез в свой рюкзак, достал потрёпанную записную книжку, а из неё – сложенный вдвое листок, протянул мне, и я стал читать.

Ко дню рождения почтальона Екатерины М.

Речка чистая течёт,
Катя-почтальон идёт.
Ноги стройные бегут,
Мигом почту разнесут.
Солнце светит в двадцать лет,
Даже если солнца нет.
Речка быстрая течёт,
Время всё ж быстрее идёт.
Тридцать лет, как почтальоном
Ходит Катя по району.

Дождь косой по Кате лупит,
Под ботинками грязь хлупит.
Дома муж. Который год
Уж с постели не встаёт.
Крутится одна Катюха:
Вот такая вот житуха.

...

Денег нет, здоровья мало,
Унывать Катюша стала —
Но на людях никогда.
Только выпьет иногда.
А попробуй проживи
Тысячи на две, на три.
Речка мутная течёт,
Время смутное идёт.
Катя, Катя, Катерина!
Ты сегодня как картина!
Волос чёрен, руки белы,
Стан твой гибок, речи смелы.
Оставайся же всегда,
Как сегодня, молода!
Речка быстрая бежит,
Время всё ж быстрее летит.
Речка грязь в Оку сольёт,
Время боль с души сотрёт.

Сослуживцы

Стихотворение показалось мне трогательным, наивным и каким-то детским. Сразу видно: писал любитель. Но и задачу автор поставил не из лёгких: описать коротко, ярко и с подробностями чужую жизнь. Одним словом, хоть автору и недоставало художественного мастерства, в искренности чувств ему не откажешь. Человек старался, как мог.

Пока я читал, Волков внимательно смотрел на меня. Я почувствовал, что ему небезразлично моё мнение, и, чтобы не обидеть его, сказал:

– Способности у вас, на мой взгляд, определённы есть, но надо больше работать над стихотворной техникой.

Витиевато выразился, а чтобы ещё больше потрафить Волкову, к которому я начал испытывать уважение, добавил, что жизнь однажды свела меня с человеком, очень на него похожим. Он считал себя неудачником, думал, что ему не повезло: не смог реализовать данные от рождения способности, и так за пять минут написал про свою жизнь:

Ему сказали, что талантлив,
А он не верил сам себе
И всё работал и работал
Назло неласковой судьбе.
Курил он часто папиросы,
Здоровье, в общем, не хранил.
Давным-давно, в начале самом,

Он сам себя похоронил.

Мы немного помолчали, отхлёбывая из стаканов остывающий чай. Мне было интересно, чем закончилась история со стихотворением, и я спросил об этом Мордуха Мордуховича.

– Да ничем особенным. Пришёл я в тот день на работу пораньше, положил газету на Катин стол, обвёл стихотворение красным фломастером, написал ещё открытку с поздравлением от всего коллектива и жду.

Постепенно народ начал собираться. Пришла Катерина. Подошла к своему столу, увидела газету и говорит:

– А это что такое?

Потом открытку заметила и всё поняла. Стала читать стихи. Тут к ней Галька подошла. Отобрала газету (они вообще друг с другом не церемонятся) и стала читать вслух. Я как раз в коридор вышел, чтобы издали понаблюдать. Дочитала и говорит:

– Ерунда какая-то. Лучше бы тысячу рублей дали!

Некоторые засмеялись, а Катя молча взяла открытку, газету и аккуратно в свою сумочку сложила. Ничего не сказала. Тут же стали выяснять, чьих это рук дело. На меня никто не подумал. В конце концов решили, что это Антонина. Она самая образованная: газеты и журналы всё время читает. Та – отнекиваться:

– Откуда у меня деньги Катке поздравление печатать, да и стихи я писать не умею.

А я стоял в коридоре, всё видел и слышал. И вдруг такая внутри у меня на себя злость поднялась. Нервы-то – на живую нитку. Чувствую, слёзы подступают, ещё чуть-чуть, и заплачу. И не денег мне жалко, и не времени потраченного, а того, что не дал Господь Бог таланта, такого таланта, чтобы, как сказал поэт, «глаголом жечь сердца людей». Хорошо ещё, что никто не заметил моего состояния, только начальница наша, Раиса Семёновна, сказала потом:

– Что это у вас, Мордух Мордухович, лицо такое красное? Может, вы с утра того, за воротник?

– Нет, – говорю, – я по утрам никогда не пью. Да и вообще редко прикладываюсь.

Так всё и кончилось.

Мы разлили по стаканам оставшийся в термосе чай и не спеша стали пить.

Я прервал затянувшуюся паузу:

– А как там, на почте, дела обстоят?

– Да никак, разваливается почта. Молодые к нам не идут. Да и кто ж пойдёт на такую зарплату? Вот недавно оператор наш, Настя, уволилась. Я по этому поводу даже стихи написал:

С почты в поисках счастья Увольняется Настя.

Симпатичная Настя – Мать двоих сыновей. А ботинки у Насти – Не дай бог ненастья, А ведь лет двадцать девять Всего только ей.

Я ничего не стал говорить.

Что ж, термос был пуст. Стаканы тихонько позвякивали в такт колёсам, выстукивавшим «дда-дда, дда-дда», как бы подтверждающая подлинность волковского рассказа. Время от времени за окном мелькали фонари, на мгновение освещая купе, после чего, казалось, становилось ещё темнее. Мы вышли в тамбур покурить перед сном. Волков часто и глубоко затягивался, его рука, державшая сигарету, мелко дрожала. Пока я курил одну, он успел выкурить две и добродушно улыбнулся мне беззубым ртом.

– Что, думаете, старикашка-почтальон разболтался? Эх, если бы я мог рассказать, что со мной происходило за последние двадцать лет, то вы бы решили, что у меня крыша съехала, что я сумасшедший. Да-с, сумасшедший, – закончил он, немного помолчав.

Мы вернулись в купе и стали укладываться. Утром, когда я проснулся, поезд уже стоял. Мордуха Мордуховича в вагоне не было. Видно, вышел раньше, не стал меня будить. Может быть, когда-нибудь мы ещё встретимся, ведь живём по одной ветке железной дороги.

С той самой поездки в Ленинград, когда я познакомился с Волковым, прошло немало лет. На почту я так и не поступил. Вместо этого каждый день гуляю с собакой по окрестностям посёлка, где уже несколько лет мы с женой живём тихо, по-пензионерски, уединённо. Если ехать из Москвы, слева от дороги наши дома, а справа расположилась другая часть посёлка, с магазинами, почтой, поликлиникой.

Собака у нас, по кличке Ася, и кошка, а сын живёт и работает в Москве.

Обычно мы с Асей прогуливаемся недалеко от дома, но иногда под мостом железной дороги перебираемся и на другую сторону.

В одну из таких прогулок я подошёл к мусорному контейнеру выбросить окурочек. Рядом стоял грузовичок. Двое рабочих выгружали из кузова всевозможную рухлядь: старую этажерку, сломанную кровать, какие-то бумаги.

– Откуда мусор? – поинтересовался я.

Один ответил:

– Умер какой-то мужик... То ли умер, то ли в больницу его свезли. А новые жильцы делают ремонт.

Выбрасывая окурочек, я невольно заглянул в контейнер: поверх всякой всячины лежала пыльная стопка ученических тетрадей, перевязанная крест-накрест бечёвкой. Угол верхней был помечен надписью «М.М. Волков».

Я уже хотел отойти, как вдруг вспомнил давнишнего попутчика и подумал: не ему ли принадлежали тетрадки, ведь он говорил, что живёт где-то по Ярославской железной дороге.

Поскольку содержимое контейнера предназначалось для вывоза на свалку, я решил, что имею на стопку такие же права, как и всякий другой; быстро достал, отряхнул её от пыли, дома разрезал бечёвку, перелистал несколько тетрадей и убедился, что они действительно принадлежали Мордуху Мордуховичу Волкову.

Мне удалось разложить тетрадки в хронологическом порядке. Эту повесть в двух частях, написанную от первого лица, я назвал «Одиссея инженера Волкова».

Предлагаю её вам, уважаемые читатели.

Часть I

Глава 1

Распределение. ГМП (НИИ, где мало платят) и его обитатели. Экспедиция

В 1974 году я окончил один из московских вузов по специальности «автоматика и телемеханика». Началось распределение – очень важный момент в жизни выпускника. Это как лотерея: можешь вытащить счастливый билет, а можешь и пустой. Стоим в коридоре. Немного волнуясь. Сейчас за массивной дубовой дверью решится моя судьба. Заходим по очереди. Тех, кто выходит, сразу окружают и наперебой расспрашивают: ну как, куда?

– Подмосковное пусконаладочное управление. Сто тридцать оклад и 60 % прогресс.

– Ого! Двести восемь рубликов! Неслабо для начала!

Рядом со мной Матвей Авербух, или попросту Мотя, окончивший институт с красным дипломом. А у меня оценки разные: по политической экономии и научному коммунизму – тройбаны, а по теоретическим основам электротехники и теоретической механике – «отлично». У Моти типичный крупный горбатый нос, тёмные выющиеся волосы и большие, чуть навывкате, чёрные глаза, в которых, как в зеркале, отражается вековая скорбь всего еврейского народа. А у меня глаза серые, нос прямой, короткий, волосы светлые, ёжиком – весь в отца, военного инженера.

– Послушай, Мордухыч, комиссия по распределению сплошь из оборонки. Нам с тобой ничего не светит.

– Пойду хоть развлекусь.

Настаёт мой черёд. Захожу, осматриваюсь. Небольшой зал. Тусклое солнце освещает сидящих за покрытыми зелёным сукном столами. Меня жирным указательным пальцем подзывает толстяк с бычьей шеей и красным бесформенным НОСОМ.

– Фамилия?

Он записывает.

– Имя, отчество?

– Мордух Мордухович.

Толстый переспрашивает:

– Морд... как? – и смотрит на меня с какой-то укоризной, будто я в чём-то виноват. Его чернильная ручка с золотым пером замирает, наткнувшись на непреодолимое препятствие. На бумаге расплывается большая клякса.

– Что? Ручка сломалась? – нарочито громко, но подчёркнуто вежливо спрашиваю я.

Красноносый, глядя мимо меня куда-то в угол, надевает на золотое перо колпачок и прячет ручку в карман, даёт понять, что разговор окончен. Его соседка, поймав мой взгляд, лихорадочно роется в сумочке в поисках носового платка. Сидящий с другого края мужчина лет пятидесяти с причёской как у меня, ёжиком, в белой рубашке с галстуком, слышал нашу беседу и тут же перевёл взгляд на окно, в котором, кроме серого, безразличного ко всему неба, ничего не видно. Ну что ж, всё понятно. Я медленно поворачиваюсь и выхожу в коридор. Одно дело, когда только предстоит принять горькую пилюлю, а другое – разжевать и проглотить её. Переоценил я себя; обида и разочарование на лице. Ко мне никто не подходит; это на картошке и в аудиториях мы были единой студенческой семьёй, а здесь каждый за себя. Только мой друг Стас Голованов, с которым мы всегда вместе готовились к экзаменам и занимались в боксёрской секции, спрашивает:

– Ну что, как?

Я неопределённо машу рукой и понуро бреду к лестнице. Кто-то догоняет меня и трогает за плечо. Заместитель декана, мой любимый преподаватель по теоретической механике, протягивает листок бумаги с адресом и телефоном, отводя взгляд в сторону.

– Сходи, там тебя возьмут.

Я сухо благодарю, разворачиваюсь и ухожу.

Мой дядя, прошедший с боями от Ленинграда до Берлина, дважды раненный и награждённый четырьмя боевыми орденами, крупный чиновник в одной из кавказских автономных республик, однажды сказал:

– У нас в России антисемитизм только на бытовом уровне, а наверху его нет, но существует национально-пропорциональное представительство.

– А почему же тогда евреи не представлены в хоккее? Пусть хотя бы один гонял по льду шайбу.

Но дядя в ответ только смеялся.

В скором времени в отраслевом научно-исследовательском институте приборостроения («НИИ, где мало платят», как расшифровал эту аббревиатуру (U1] один остряк, и где не соблюдался вышеописанный принцип и евреев было не меньше, чем чистокровных русских) появился новый сотрудник.

Лаборатория электронно-оптических устройств, куда меня зачислили на должность инженера с зарплатой сто двадцать рублей, находилась на первом этаже двухэтажного особняка XIX века в Замоскворечье. Рабочий день обычно начинался с обсуждения статей в «Литературной газете», рупоре интеллигенции того времени, или публикаций в новом номере журнала «Юность». Инициатором обыкновенно выступал Виктор Жадов, ведущий инженер. Когда-то он окончил Суворовское училище, отслужил несколько лет в армии и, получив приличную дозу облучения, был комиссован с пенсией 70 рублей. Очень способный инженер, но писать диссертацию не захотел, хотя ему не раз предлагали. Потолок его дохода (зарплата плюс пенсия) определялся суммой 240 рэ. Виктор хорошо разбирался в современной литературе. Увлёкшись, он начинал ходить взад-вперёд по лаборатории, как преподаватель, читающий лекцию, делал язвительные замечания и высказывал нестандартные мнения, удивляя нас малоизвестными фактами из жизни авторов. Видимо, источником информации служил старший брат, член Союза писателей СССР. Ему не менее язвительно возражала Лена Буховская, умевшая находить слабые места в его высказываниях. Тоже хороший инженер и весьма начитанная (в конце восьмидесятых годов ставшая гражданкой Израиля). Остальные с интересом следили за спором наших литературных корифеев. Иногда в разговоре принимали участие заведующий лабораторией, по прозвищу Герц, и старший научный сотрудник Мотя Стырский.

После литературного диспута устраивалось чаепитие с домашним вареньем и баранками, а затем мы с Монею садились за преферанс с болваном по копейке за вист. Расписав пульку, ехали несколько остановок на троллейбусе в Министерство торговли, обедать. Вход в здание был свободным, а в столовую – по пропускам, карточкам из серо-голубого картона. Один из наших сотрудников, родственник министерского, принёс такую карточку в лабораторию. Не помню, у кого возникла мысль подделать пропуска: а чем наши желудки хуже. Буховская, хорошая рисовальщица, сделала восемь таких же карточек из обувной коробки, с подписями и печатями. На глаз не отличить от настоящих. В первый раз я прошёл по пропуску немного робея, и напрасно – охранник даже не взял его в руки. Здесь кухня была особенная. Меня, привыкшего в уличных забегаловках к сомнительным котлетам с подливой, вызывающим опасение за состояние желудка, поразило меню, особенно компоты по двенадцать копеек за стакан. Их было пять видов: из малины, клубники, вишни, яблок и чернослива. Последний пользовался наибольшим успехом, видимо, многие чиновники вели малоподвижный образ жизни и страдали от запоров.

После обеда несколько часов посвящали работе. Я включал паяльник и осциллограф, погружаясь в разработку новой электронной схемы для опытного образца одного из очередных приборов, которые, насколько мне известно, никогда не внедрялись, но зато использовались при защите кандидатских диссертаций.

Вскоре этому ничегонеделанию пришёл конец, меня откомандировали в Полевую экспериментальную базу (ПЭБ) для участия в экспедиции по установке трёх автоматических радиометеостанций (АРМС) в труднодоступных районах Сахалина и некоторых других островов. Экспедиция состояла из начальника, Старшинова Леонида Александровича, радиомонтажника шестого разряда Французова Александра Владимировича и меня, временно, для повышения заработной платы, зачисленного радиомонтажником в экспериментально-производственную мастерскую.

Долгие проводы – лишние слёзы. Попрощался дома с матерью, взял сумку с одеждой – в аэропорт меня никто не провожал. Когда «Ил-18» стал набирать высоту, заложило уши, и я принялся гонять языком во рту «взлётные» карамельки. В иллюминаторе – крыло самолёта, а под ним – всё уменьшающиеся дороги, по которым мелкими муравьями ползли машины, городишки, перелески, речки. Наконец я устал, откинулся на спинку кресла и задремал. Бортпроводница разбудила обедать. Допив чай, я снова стал смотреть в иллюминатор. В разрыве серых облаков уже была видна бескрайняя тайга. На этом, насколько хватало глаз, зелёном ковре иногда, как что-то чужеродное, попадались лагерные бараки, «длинные, как срока» из песни Высоцкого, обнесённые забором, и едва различимая сверху нить узкоколейки, идущая от зоны. Вряд ли её обитатели, работавшие сейчас где-нибудь на лесоповале и, задрав головы, с тоской провожавшие взглядами наш самолёт, разделяли моё восхищение окружающей тайгой.

Первую станцию устанавливали в самой глухой части Сахалина, окружённой болотами; вторую – на небольшом островке Манерой, что к югу от Сахалина. Но больше всего запомнилась экспедиция на необитаемый остров Святого Ионы, расположенный в Охотском море. Нам предоставили небольшой рыболовный траулер, переделанный в научно-исследовательское судно, с командой из восьми человек, которую собирали в течение нескольких дней по всему порту Корсаков. При отплытии выяснилось, что самый трезвый из них, старший механик, тоже под мухой. Как заправский боцман, он виртуозно материл всех, включая капитана, заставляя исполнять их обязанности. Вероятно, так отправлялись из своей цитадели на острове Тортуга в Карибском море на охоту за счастьем флибустьеры Нового Света.

Едва отплыли, началась сильная бортовая качка, к которой мы со Старшиновым быстро привыкли и с удовольствием покачивались в матросских люльках, а крепкого, жилистого Французова, к нашему удивлению, мучило беспрестанно, и он часто вынужден был перегибаться через борт.

Наш начальник, невысокий и плотный, лицом напоминавший русского помора из кинофильма «Море студёное», бывший пограничник, очень нравился женщинам. Буфетчица Люся, ядрёная баба лет тридцати, с огромным синяком под глазом, свидетельством её бурной супружеской жизни, сразу же обратила на него внимание.

– Пойдём! – не стесняясь меня, уговаривала она Леонида. – Не бойся, я чистая!

Но он так и не откликнулся на её настойчивые призывы.

Я потом над ним подтрунивал:

– Лёня, что же ты такую девицу пропустил?! Она ведь тебя из всех выбрала.

– Не меня, Французова, – смущался Старшинов.

– Нет, тебя. Она в мужиках разбирается.

Впрочем, Лёня не обиделся: мы часто подтрунивали друг над другом.

Судно вышло в море по Татарскому проливу, и через некоторое время показалась цель нашего путешествия – скала вулканического происхождения шириной метров четыреста, а

высотой – двести. Она возвышалась над морской равниной, как огромная спящая голова из поэмы А.С. Пушкина «Руслан и Людмила».

Судно бросило якорь. Капитан Юргин, совсем не похожий на того помятого подвыпившего мужичка, который два дня тому назад садился на корабль, по-военному сухо и коротко скомандовал: «Волнение небольшое, высаживаемся». Да и вся команда преобразилась: это уже не была случайно собранная кучка людей неопределённой профессии, зло матерившихся в ответ на ругань старшего механика. Быстро и слаженно матросы спустили шлюпки с нашей экспедицией и пошли на вёслах к острову. Когда мы приблизились, он как будто проснулся. Морские львы – сивучи с шумом плюхались в море с огромных валунов, повсюду торчащих из воды, чайки кружили над головами и беспокойно кричали. А когда мы в первый раз поднимались на вершину, морские голуби, глупыши, дружно плевали в нас желчью, вонявшей рыбьим жиром, которая практически не отстирывалась. В конце концов мой рабочий костюм настолько пропитался этой гадостью, что его потом даже в прачечную не приняли: пришлось выбросить. Один такой едва оперившийся птенец, сидевший прямо на тропинке, опершись на косточки своих крыльев, словно раненый на костыли, поднял голову и угрожающе, будто взрослый, защёлкал клювом, смотря на меня чёрными, как каменный уголь, глазами-бусинками. Вся ненависть созданного Господом Богом живого существа к завоевателю отразилась в них (или мне так показалось из-за солнечного блика?), когда он вдруг плюнул желчью прямо мне на штаны. «Ах ты, храбрый желтопузый гусёнок! Не бойся, не трону», – подумал я, осторожно обходя этого отважного защитника своего родного дома.

С помощью блоков и тросов оборудование подняли на скалу, поросшую мхом и низенькой травкой. Шлюпки с матросами покинули бухту, судно снялось с якоря и вскоре пропало за горизонтом. Мы остались одни.

Вокруг, насколько хватало глаз, расстилалась холодная серая гладь Охотского моря. Вчетвером (забыл сказать про радиста Валеру) поселились в деревянном домишке, сколоченном нашими предшественниками из почерневших от времени и непогоды досок. Сарайчик нависал над крутым спуском, как дворец «Ласточкино гнездо» в Крыму над морем. Не знаю, как другие, а я сначала входил в него с некоторой опаской, уж больно строение казалось хлипким. Но люди, воздвигшие этот приют, знали толк в строительстве: даже при сильных частых ветрах внутри было вполне комфортно. Рядом находился уступ. Бывали дни, когда штормило, огромные водяные валы разбивались о его основание, так что брызги долетали до меня, стоящего на краю и наблюдающего, как багровый диск солнца исчезает за горизонтом.

Первую ночь провели в спальных мешках, разложенных прямо на каменном полу, а наутро, наспех позавтракав, приступили к монтажу. На вершине натолкнулись на останки старой автоматической метеостанции, установленной инженерами-метеорологами задолго до нас. Пришлось сначала заняться демонтажем, а на её месте развернуть новую. Этот объект был последним; приходилось поторапливаться: начинался сентябрь, в последней декаде которого штормы особенно часты. Из-за непогоды нас могли не снять с острова, шлюпки не пришвартовались бы.

Ели два раза в день: утром и вечером. К концу работы у меня начинало сосать под ложечкой: желудок напоминал, что пора наполнить его чем-нибудь. В предвкушении праздника сытых животиков я спускался в лагерь. Основное блюдо в меню – консервы и сухари, на десерт – чай с сахаром и свежий морской воздух. А какая вкуснотища! Куда там столовой Министерства торговли с её пятью компотами! Пищу разогревали на костре, в ход шли доски упаковочных ящиков из-под оборудования; тарелками служили пустые консервные банки, а чай пили из эмалированных кружек; вместо стульев – большие камни, нагретые за день солнцем. Сплошная романтика.

После ужина у догорающего костра мы со Старшиновым и Французовым часто говорили о литературе. Лёня, несмотря, что специальных институтов не заканчивал, очень много вдумчиво читал с блокнотом и карандашом и дал бы фору иному кандидату филологических наук.

Опускаю подробности того, как мы поднимали с помощью полиспафта (грузоподъёмного устройства, состоящего из нескольких блоков) и с трудом закрепляли в скалистом грунте разборные десятиметровые мачты антенны, как монтировали ветряк (ветровой электрогенератор), служащий для подзарядки аккумуляторных батарей станции, устанавливали и настраивали датчики силы и направления ветра, осадков, солнечного сияния, а также специальное устройство, подававшее в определённое время суток сигнал для начала измерения и передачи данных о метеообстановке. Работы по монтажу и наладке, ко всеобщей радости, были закончены в срок, начались испытания. Наша АРМС уже несколько раз выходила в эфир. После этого Валера связывался по радиации с управлением гидрометеослужбы Сахалина и проверял качество приёма-передачи. Неожиданно пришла радиограмма: «В течение двух часов приготовиться к отплытию, всем спуститься на берег». Погода портилась.

Шлюпки ждали нас в небольшой бухточке, укрытой от ветра и волн скалами. Штормило, мы смогли причалить к кораблю только после нескольких неудачных попыток. Я с сожалением оставлял остров, где, несмотря на тяжёлую работу по двенадцать часов в сутки, чувствовал себя настоящим Робинзоном Крузо, историей которого зачитывался в детстве. Мне нравилось, вдыхая всей грудью солёный воздух и подставляя лицо свежему ветру, наблюдать за величавыми, медлительными морскими львами; крики чаек над головой уже не казались такими тревожными, и даже глупыши стали реже плевать, поняли, что мы не представляем опасности.

В порт Корсаков прибыли в конце сентября. Экспедиция заканчивалась. Местный транспортный самолёт доставил нас в Хабаровск. На ближайший рейс в Москву оставался один билет, и первым по жребию вылетать выпало мне.

Теперь, по прошествии времени, многое стёрлось из памяти, но один смешной случай помню хорошо. Мы со Старшиновым сидели рядом в зале ожидания и от нечего делать играли в карты на большом Ленином абалаковском рюкзаке. Когда объявили посадку на мой рейс, я попросил Лёню дать мне часть причитающихся за работу денег. Он отсчитал из толстой пачки мою долю, я засунул купюры во внутренний карман и, подхватив свою тяжёлую сумку, в которой, кроме одежды, лежали куски породы с кристаллами кварца и других минералов, подаренных геологами, направился в зону вылета. Не прошёл и трёх шагов, как сзади за куртку меня крепко схватила чья-то рука. Я остановился и повернулся, удивлённый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.